

Побег японских военнопленных из Сибири

Судьба «Божественного ветра»

(всем не вернувшимся домой посвящается)

1. Божественный ветер

Таёжники

1

Плещет затоками Дон,
Дрожит от раскатов грома
Белый станичный дом.
Плёт, мешкотня парома.
Яблочный тихий рай,
Полудённая истома.
Живи, да не помирай -
Каждая тень знакома.
Капли литого мёда,
Жирная колбаса.
Раки с косога брода,
Жиденские леса
Сквозисты, привычны.
Пришло много народа.
Сюда бежали обычно
За тихой свободой,
Волей наполовину:
За хаткой, землицей, овином,
Жизнью без крепости,
Гладких коров пасти.

2

Оставим в покое Дон.
Иной сибиряк чалдон -
Дитя неподкупной тайги.
Чувствуешь силы в душе? – беги.
На берегах кипучих рек
Искал свободы человек,
Быстрина сбивала с ног,
Но если подняться смог,
Усталый, голодный, дерзкий,
Пусть даже очень промок,
Пусть даже климат мерзкий.
В него бежали, как в омут
С головой непокорно кануть,
Начать судьбу по-иному,
На новом месте воспрянуть,

Заработать свои права.
Отслоится душевная муть,
Как сорная, свянет трава,
Всё прошлое, всё ненужное,
Беспамятное, недужное,
Суровый сибирский уют -
Ленивого тут не ждут.
Проверка на вшивость,
На крепость, на живость -
На перекатах студёной реки
Кроили породу сибиряки.
Смешался кандалный звон
С тунгусской гортанною песнью.
Бурятско-ордынский закон,
С поверьями русских полесий,
Московский говор,
Татарский смех,
Французский повар
И чей-то грех,
Кабацкий вор, -
Бездомный сор
Из года в год,
Из века в век.
Смесь дикости,
Сплав стойкости.
Себя соблюсти,
Семью спасти,
Долгой зимой прокормить,
Кедровничать, зверя бить,
От нужды - не от злости...
Крепчали сибирские кости.
Косая сажень в плечах,
А непотребный зачак -
Отсеял жестокий отбор.
Здесь даже каторжный вор
Природным блистал благородством.
Холёная барская кость
Могла обернуться скотством.
Добро проявляло злость,
Если добро показушное
Таёжники - люди ушлые
На мякине не проведёшь.
Ты человек или вошь?
Проявишься, хошь-не-хошь.

Часть первая

1

Спящих рощ голубой венок,
На плечах твоих, о Ямато!
Восходящего солнца поток
Золотит самурайские латы.
Красота твоя и венец,
Блеском сакур маня и играя,
Освещали бесславный конец:
Гибель пленного самурая.
Не от жала стального меча,
Грудь распарывающего до рвоты,
Он сгорел, как свеча, сгоряча
От тоски по тебе и работы...

2

Стены скользки, сырой подвал,
От границы этап к Байкалу,
Здесь живой полумёртвым стал,
Воля сникла мало-помалу.
И покорные, словно рабы,
Бесконечный тянули срок.
Относили к могилам гробы,
Зарывали в сырой песок.
Забывали свои имена,
Только родины милые песни
Высоко-высоко, как струна,
Пел старик, утомлённый болезнью.
Ни таскать, ни рубить не умел,
А глаза разъела слюда.
Кто расскажет теперь, как пел?
Кто его понимал тогда?
За беззлобность и тихий нрав,
За негодность к мужскому труду
Заработал он горстку прав -
По Слюдянке искать еду.
Разрешали на сопках лесных
Собирать для лекарства траву,
И поделки собратьев своих
Продавать, веселя детвору.
Ну, а если налажен сбыт -
Производство само собой!
Мы точили ему нефрит,
Украшая всё той же слюдой.
Чашки, ложки, резные плоски

И игрушек весёлый рой,
От свистка до губной гармошки.
«А япошка – мастеровой!»
Одобрjali его старушки
(Жалость женская широка),
Наливали ему за игрушки
В кружку тёплого молока,
Насыпали в мешок картошку,
Из печи – каравай ржаной
И кедровый орех, и морошку,
Омуль с радужной чешуёй.
С пылу, с жару круглые шанежки...
Словно ведали те хозяйюшки,
Сколько лет ему, сколько зим
Вьюгой смертною «Баю-баюшки»,
Отпоёт его баргузин.

А весною метровые льды
Раздробил о скалы Байкал,
Валунами лежалой слюды
Громоздился их мёртвый оскал.
Объявили субботник у нас.
Чтоб своей не смущал бы кучей -
Из оттаявших трупов наст,
Побросали с отвесной кручи
Размороженный трупный балласт -
Наших братьев, погибших от холода,
От побоев, цинги и от голода.
Их земля своим телом укрыла -
Незавидная вышла могила.
Ни креста, ни доски, эка невидаль,
Чтоб ни портили очерёдность,
Под откос узкоглазую падаль,
И в порядке отчётность.
... Мы полон прикрывали слёзы,
Полноводные, как река.
Посылали начальству угрозы
И увидели старика...
Прижимал он к глазам ладони,
Грыз зубами колючую цепь,
Так узду раздирают кони,
Когда рвутся в степь,
На простор, в бесконечное поле,
Разметав тростник,

Принимая и смерть за волю,
Пусть на краткий миг...

3

Что-то тихий старик замыслил?
И не ведали, не гадали,
На обычный таёжный промысел
За приварком его снаряжали,
Чтоб отведать, как хороша
Прибайкальская черемша!
Восхищает тайга весной.
Её страж не велик, но смел,
Средь снегов принимает бой
Знаменосец весны – пострел.
Фиолетовые макушки
В золотисто-зелёных латах
В окруженье берут опушки,
Все в проталинах, как в заплатках.
Потихонечку, не спеша,
Осторожно и без натуг
Собирается черемша,
А в народе - «медвежий лук».
Поселковые ребятишки
Ему мудрость растолковали:
«По весне заломал мальчишку,
А ты, старый, уйдёшь едва ли.
Понимашь, надо зорко глядеть:
Черемшой набивает медведь
Отощавшее за зиму брюхо.
Плохо видишь? Так слухай ухом!»

4

Улыбался лесным былинкам,
Разгребая еловую мякоть,
Любовался солнечным бликом
И ему захотелось плакать.
Где-то там, за высокими кедрами,
Ветер с морем играет в прятки.
Путь домой измеряется метрами,
Когда рядом, и всё в порядке...
Путь домой выстилают тела,
Жертвы, жертвы - дорога боли.
Жёстко карта им всем легла -
Мерзкий счёт выставляет неволя.
«Кто знает, какую ценой,
Когда, кто вернётся домой?»

5

Распускается иван-чай,
И поля от жарков жарки –
Бесконечна в душе печаль
Неусыпной моей тоски.
Слышу голос родной земли,
Голос пращуров, голос воли.
Словно в жилы мои потекли
Волны древней и мудрой крови:
Край надежды, земля чудес,
Заповедный таёжный лес.
С давних пор от лап подлеца
Он в себе сохранял беглеца.
Пусть от холода и от жажды
Потемнеет твой веер бумажный,
Вольные люди - дети тайги,
Чувствуешь силу в душе – беги!»

Можно судьбою играть,
Плыть по жизни под парусами,
Но землю, где умирать,
Всегда выбирайте сами!

6

Прокатилась по лагерю весть -
Не отмечился на поверке...
За побег головы не снести.
Даже имя З/К на фанерке
Не напишут, если убьют.
Закатают в пустую породу...
Сколько сгнуло здесь народу,
Сколько смертный нашло приют...
Овчарка на зоне волк,
Натягивает поводок,
Знает в погоне толк...
Тёплой плотью, кровью живой
(Для охоты на беглое тело)
Не баландой и не травой
Кормят мясом её, чтоб летела.
Сквозь овраги и бурелом
Разрывать по команде: «Ищи!»
Челюстями, как ржавый лом,
На затылках ломать хрящи...
На бессильного старика
С ладонями, как у ребёнка,

Охотились наверняка...

А птицы кричали звонко,

Голосили, словно просили.

Путал след овраг и лощина –

Это только природе по силе.

А овчарка – просто машина.

Часть вторая

Побег из Ада

1

По узкой подземной ветке

Снуют и снуют вагонетки,

Гружёные пыльной слюдой,

Политые горькой слезой.

Старика затолкали в одну,

Словно камень пошла ко дну,

Погрузилась в сырую темень.

Замелькали серые тени

При свете чадящих свечей.

Ты здесь и уже ничей.

Дорога в один конец...

2

На куче битого щебня

Умирал седой самурай.

Ему казалось волшебю

Прощался таёжный край.

С его одинокой душой

Сон распоследней межой

Прижался к его изголовью,

Сливался с остывшею кровью

Его полувисохших жил.

Только во сне он жил.

Сознание в предсмертный час

Сорвало иллюзию с глаз,

Вернуло в сырую пещеру,

В тёмный и душный подвал,

В запах смрада и серы...

- О, Ямато! - Позвал

Он свою далёкую землю.

На границе вечного мрака,

Дабы избежать страха.

- Пошли мне солнечный знак!

Заходила земля ходуном.

Осколок вспыхнул лучистый

Трещиной на граните.

В отработанной штольне,
Тоньше ушка игольного,
Ярче, чем солнце в зените!
Поймал самурай осторожно
Лучик в сухую ладошку.
Нежнее держать не можно,
Над ним подышал немножко
И умер в забое мгlistом,
Скалы вокруг зашатались,
Земля застонала от боли,
Мрачные стены подались.
Знаменем сладостной воли
Проклюнулся тоненький лаз.
Был он чуть больше наперстка.
Хлынул потоком хлестким,
Смывающим слёзы с глаз,
Сметающий всё на свете
Свежий байкальский ветер!

5

Тяжек невольничий стон
Светлому оку планеты,
Мутит кристальные воды
Доброго великана,
Спящего в лоне Земли.
Вода голубого Байкала
Не всегда чиста и прозрачна,
Закипает она от накала
Его нервов, становится мрачной.
Хлещет дождь, гудит ураган.
Разрывая густой туман,
На сопки сходит сама
Хозяйка ветров – Сарма!
Пугает заблудшие души
И мечет, и топит, и крушит.
Беспомощные суда
Сверху и снизу - вода...

6

В одну из таких ночей
Рубили на встречу свету.
Не жалея свечей.
Веря в святую примету
Доброго знака. Дорога.
Осталось совсем немного...

7

- Всем уходить нельзя!», -
Сказал седой Генерал...
Камикадзе должны остаться,
Сколько смогут держаться,
Выполняя работу за нас,
На родине вас оплачут
Сакуры чёрной цветы...
Грозный «Божественный ветер»
Ваши судьбы отметил,
Ваши развеял мечты...

.....
Без перерыва на отдых и сон
Рубят слюдяные глыбы.
Только подальше ушли бы,
Скрылись за горизонт!
Надо рубить, камень возить
Полные вагонетки
Ни за пайки, ни за призы,
Ни за плевки и монетки
Валяются с ног и чумеют,
Работают, как умеют -
Жизни бойцов выкупают
Из злополучного плена...
Пусть всемогущие Боги
Хранят их души в дороге,
Они сберегут тела!
Дорога к солнцу легла
Вверх по крутым горам
Окоемом седого Байкала...
Горы таёжный храм,
Куда нога не ступала
Еретика особиста,
Смершевского садиста.

8
«С камнями на пулемёты
Пошли узкоглазые черти.
Ну, кто же тут разберёт их,
Фанатиков жертвенной смерти!
Молчали, как на параде!
Спросите, чего ради
Месяца три давали
В день по шестнадцать норм?
Полные наливали
Чашки на их прокорм?

Лагерь засыпан гранитом,
Чтоб не губить своих,
Взорвали вход динамитом,
Воду спустили на них.
Смыли подземной рекой», -
Рапорт под грифом: «Секретно».

Сколько погибло конкретно
Ведает лишь могила
Из мрамора и воды -
Время смыло следы,
Тайну пещера укрыла...
Часть третья
Обрывки дневников...

1

Омываемая океаном
Спит Япония.
Пряным, алым
Огибаемая восходом,
Просыпается год за годом...
До неё не добратся нам.
Каждый верит своим богам,
Но отеческим берегам
Мы - далеки, близки - снегам.
Стала мачехой нашей Сибирь,
Стала сводной сестрой - Тайга.
Но не вся, два аршина вширь,
Станет нашей могилой Тайга.
Дом, как призрак в ночном тумане,
Манит пламя, коснись, обманет
Зазеркальной своей теплотой.
Кто там замер? На месте не стой...
Здесь не слышно собачьего воя,
Здесь не видно следов конвоя...

.....
Даже небо в осколках слюды,
Машут кедровые мохнатыми крыльями.
От недоброго взгляда следы
Мы скрываем за сухожилиями
Этих древних таёжных рек,
В пляске их каменистых россыпей.
Мы домой хотим, человек!
Сколько братьев наших без просыпу
Спят в завалах из каменных плит
Неподъёмных гранитных стен.

Так их сон нашу кровь леденит,
Что мы спать не можем совсем.

2

Записки японского генерала
Надо путь уступить молодым.
Обдирает морозный дым
Череду бесполезных соцветий.
Обладают бессмертием дети,
Для которых, миг бесконечен.
(Да ещё сумасшедший беспечен).
Надо, надо путь уступить.
Боже правый, как хочется жить!

.....

Генерал перестал молиться,
И, казалось, застыл в сатори.
Лица, лица, - простые лица
Переменчивые, как море.
(Ожидают ответа вскоре...)
Отрешённость бессвязных мыслей:
Старость, немощность, слепота,
Сила в мыслях уже не та.
Досконально познав науку смерти
Непременно полюбишь жизнь.
(Ах, шальная мысль, отвяжись!)
Неподвижное, как яйцо
Маска смерти рождает скуку.
Самураю важнее лицо,
Когда тело вкушает муку.
Маска мысли родила улыбку.
Поиграла складками губ,
Словно в морге качая зыбку,
Вызывая невольный испуг,
Хрипло вырвалось слово: «сэппуку»
Он сказал и отдернул руку
От лица. Оно стало чужим...
На мозги тяжелее гири -
Слово страшное: Харакири.

.....

Долина бела от снега,
Ей не хватает красок.
Жадного поцелуя
Огненно-жаркой сливы,
Рассыпавшей у корневища
Красные лепестки...

Харакири

О, условности крепкие цепи.

Не татами, а телогрейка

Под коленями у меня.

- Пусть кайсаку кедр не зацепит,

Размахнувшись у старого пня...

(Что же дальше диктует традиция.)

Надо из сакадзуки напиться

Ритуальным глотком саке,

Распоясаться и налегке

Над священным занятием склониться –

Тушью хокку нарисовать,

Лист сложить и камнем прижать,

Отодвинув на три ладони...

Древний веер и меч уложен

В блюдо круглое, без излишеств.

Отказаться? – Позор, мальчишество.

Избежать бесчестья не трудно.

Трудно с лёгкостью умереть.

Не в постели, сейчас, прилюдно.

Нет, кайсаку в глаза смотреть

Слишком тяжко.

Теперь молиться...

Лица, лица – чужие лица.

Ни забыться, ни отгородиться.

Только бы ничего не забыть.

Боже правый, как хочется жить!

.....

Молниеносным движеньем рассёк

Он живот от груди до чресел,

Вертикально, наискосок.

Прояснившийся взгляд стал весел.

Улыбнулся одной гримасой,

А кайсаку главу отсёк.

В нём и не было вовсе массы.

Как подкошенный лепесток,

Он склонился над головой,

Разделённой навеки с телом.

Словно душу перед собой

На сугроб уложил неумело.

.....

На проталине красной от крови

Лист ольхи стал нездешним, багряным,

Словно лист японского клёна

Пятернёй прикоснулся к Тайге.

Где ты, Япония, где?

4

И ушли, приминая снег,

Через кряжи Хамар – Дабана,

Чтоб негаданно и нежданно

Пересечь знаменитый хребет.

Лютовал ночами Култук.

Приседали на каждый стук,

Хруст надломленного сучка.

Нервно вздрагивали от толчка

Прибайкальского землетрясения.

Как у матки искали спасенье

У покрытой камнями земли.

(У которой моли – не моли) –

(Человек не получит прощенье.)

Духам синто – капли sake,

Её щедро налили Тунке –

Прародительнице Байкала,

По-бурятски – «высокий огонь».

«Ты прости наши жертвы малые,

Неприкаянного не тронь,

Мать долины, золотая Тунка,

Поднимается в облака

Твоя солнечная вода.

Пусть минует злая беда

Тех, кто хочет вернуться домой.

Награди нас счастливой судьбой!

Охрани нас от лихолетья...»

(Только слабый природе брат!

Сильный путь расчищает плетью).

6

Годы плавилась в злом горниле

Половинчатого отчаяния.

Неуступчивые - замолчали,

Несгибаемые - сгнили.

На три метра оттаёт почва,

Ниже - вечная мерзлота.

Грязь, болото, топкие кочки,

Лагерь, склизкая мокрота.

Снова снятся страшные сны

Присягнувшему жизни войску,

Даже просто выжить – геройство

В мясорубке любой войны!

.....

Не отпускают грехи,
Когда смежаются веки
Зарубками на человеке,
В мозгу проступают вежи,
Занозы, осколки, огрехи,
Ошибки, просчеты, прорехи...
Минутному счастью помехи...
Черёмуховый овраг
Что же может со смертным случиться
Кроме смерти? - Какое открытие?!
Кто тихонько идёт, кто мчится,
Будто в лавку спешит к закрытию,
Всех расталкивая, опережая,
Словно двери захлопнут рая.
И напишут: « Вакансий нет ».
«Покупайте обратный билет ».

.....

А черёмуховый овраг,
Он любому подарку рад.

.....

Сколько в землю на удобрение
Полегло в живописных местах.
И всемирный закон тяготения
У подножия распластал
Бесприютных страдальцев множество
И прикрыл горевое убожество
Чьих-то богом забытых детей
Покаянной красой своей.

.....

Ах, черёмуховый овраг,
Там семья и пропавший брат.

.....

Палачей тоже оплачут.
Траурный сервис им
По скупому тарифу оплачен:
После смерти притиснут в строй.
По стандарту – оградки, рябинки.
Пару дней некрологи, поминки,
А потом тишина и покой...
И железною тумбой стой
Под облупленную звездой...
ПЕСНЯ ПАРНЯ ИЗ НАГАСАКИ
Какая разница, где был дом,

Если дома под небом нет.
Я родился на солнечный свет
В городе с крепким мостом.
Таких в Японии много,
Вам есть куда возвратиться.
Город над тихой рекой
Может мне только сниться.
Выжженная дорога.
Обугленная страница
Письма к любимой жене,
Достопочтенной Кохару.
Тень на разбитой стене –
Мама с отцом напару,
Как слёзы оплывшей свечи,
Сжаты в один комок...
Жалящие лучи...
Я теперь одинок.
Поздно! Кричи не кричи,
Никто уже не услышит!
Бренное тело дышит моё,
Душа умерла...
Воронье
Чёрные чистит перья:
«Обыденная потеря
На фоне военных бедствий».
Враньё!
Кто и когда их мерил
Статистикой соответствий.
Сильный – бесчеловечен,
Адовым знаком отмечен.
Пепел по городу – пуха нежней...
Небо над городом – солнца светлей.
Тени лежат без движения -
Нету у них отражения!
Выкипевшая река
По-прежнему глубока.
Ни единого звука,
В городе звонком - глухо.
Займите, прошу, слезу мне!
Слёзы смывают безумие
С окаменевших очей.
Лязг самурайских мечей
Город, что больше ничей,
Не встревожит. Отныне и присно

В вымершем городе чисто.

Это небесная кара,
На всю Японию карма
За злые мысли легла
И за людские дела.
На поколение до,
На поколение после,
На поколение рядом,
На поколение возле
Ядерного пожара
Это небесная кара!

7.

Нас сдали в плен,
как будто мы шпионы.
Мы в жилах вен
перекачали тонны
чужой земли,
размоченной в воде...
Мы не смогли -
Нам места нет нигде,
Нет места на Земле...

Море

(финал поэмы «Судьба божественного ветра»)

Море мои обнимает колена,
Тёплое море...
Целые полчища смрада и тлена
Сгнули в море.
Море, морская гладь у причала,
Жёлтые камни.
Море, уже не начать сначала,
Сгинуть и кануть.
И раствориться в твоей колыбели,
В круговороте.
Боль утолить, утопить веселье
Разом, на взлете.
Слишком печальна земля для могилы,
Слишком привычна.
Всех уравнила и всем поделила
Голосом зычным.
Море развеет унылую скуку
Смертного часа.
Каждому жесту и каждому звуку
Море - гримаса.
И разломить эти воды густые

Вам не под силу.
Кто выбирает желанья простые.
В море могилу
Я выбираю, забыв о покое
Каменных статуй.
Горько-соленое гордое море
Волнами радуй.
Как отраженье божественной силы,
Алые зори.
Огненный шар между белым и синим,
Небо и море.
2000 - 2002 г.
Киев - Иркутск.

*Марина Шамсутдинова
March 11, 2010*

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/3570>
© Copyright 2025, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com